

DOI: 10.22250/20728662-2025-3-158-167

Болдырева Е.М.¹, Асафьева Е.В.²

Е.М. Болдырева

Е.В. Асафьева

¹ Юго-Западный университет КНР

² ГПОУ ЯО «Ярославский колледж управления и профессиональных технологий»

¹ 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2

² 150042, Россия, г. Ярославль, Тутаевское шоссе, 31А

¹ e71mih@mail.ru; ² tvist_o@list.ru

Христианская символика образа бабочки в русской поэзии XX века

Аннотация. Статья посвящена анализу христианской символики образа бабочки в русской поэзии XX века. Бабочка рассматривается как религиозно-философский символ, включающий в себя основные аспекты духовного развития человека и пути его духовного становления на пути к Вечности. На примере стихотворений русских поэтов XX в. (М. Кузмина, Л. Эллиса, Г. Корина, Д. Кедрина, В. Шаламова, А. Кудряшевой и др.) демонстрируется, что образ бабочки сопряжён как с Евангельскими сюжетами, так и с религиозными воззрениями XX–XXI века (идеями Вл. Соловьёва, богословскими эссе В. Кречетова, М. Шполянского и Н. Василядиса). В ходе герменевтического, семиотического, мотивного и интертекстуального анализа выявляются такие символические коннотации образа бабочки как аллегория утраченного рая (бабочка символизирует гармонию божественного мира до момента грехопадения и является воплощением божественной любви и милосердия); аллегория Страстей Христовых (бабочка может символизировать как путь страдания человека, утратившего в себе веру и божественную природу, так и страдания самого Христа, подобные мотивы актуализируются евангельскими сюжетами «Моления о чаше» и «Распятия Иисуса Христа», являющимися, в свою очередь, аллегорией двойственности самой человеческой природы, включающей в себя борьбу божественного и физического начала); воплощение «разящего слова» (бабочка становится символом праведной мести через поэтическое искусство и вместе с тем воплощает идею самопожертвования); наконец, бабочка выступает как символ возрождения души (в образе бабочки реализуется гностическая идея спасения и преодоления телесной смерти. Здесь душа-бабочка воспринимается как метафизическая субстанция, перешедшая из плоскости времени в пространство вечности и готовящаяся к «пятому рождению» – Страшному Суду)). В статье делается вывод, что бабочка в поэтическом пространстве являет собой не столько художественный образ, сколько аккумулирует в себе важнейшие аспекты русской православной духовно-религиозной картины мира.

Ключевые слова: христианство, религиозная символика, Апокалипсис, Страсти Христовы, Евангелие, путь души, богочеловек, таинство, сакральный символ, мифопоэтика, религиозно-философское осмысление, символ, канон

Elena M. Boldyreva¹, Elena V. Asaf'eva²

¹ Southwest university, China

² Yaroslavl College of Management and Professional Technologies

¹ 2 Tyanshen Str., Baybay region, Chongqing, 400715, China

² 31A Tutaevskoe shosse, Yaroslavl, 150042, Russia

¹ e71mih@mail.ru; ² tvist_o@list.ru

The Christian Symbolism of the Butterfly Image in Twentieth-Century Russian Poetry

Abstract. The article analyzes the Christian symbolism of the image of butterfly in Russian poetry of the 20th century. The butterfly is seen as a religious and philosophical symbol that includes the main aspects of human spiritual development and the path to spiritual formation on the road to eternity. Using poems by Russian poets from the 20th century (M. Kuzmin, L. Ellis, G. Korin, D. Kedrin, V. Shalamov, A. Kudryashova etc.), it is shown that the image of a butterfly is connected with both evangelical subjects and religious ideas of the 20th

and 21st centuries (the teachings of V. Soloviev and theological essays by V. Krechetov, M. Spoliansky and N. Basiladis). In the course of hermeneutical, semiotic, motivic and intertextual analysis, symbolic connotations of the butterfly image are revealed, such as the allegory of lost paradise (the butterfly symbolizing the harmony of the divine world before the Fall and being the embodiment of divine love and mercy). The allegory of Christ's Passion (the butterfly may symbolize both the path of suffering for a person who has lost faith, as well as the suffering of Christ Himself. These motifs are actualized through the evangelical stories "Prayer for the Chalice" and "Crucifixion of Christ", which in turn are an allegory for the duality of human nature, including the struggle between the divine and physical principles. The butterfly becomes a symbol for righteous revenge through poetry and at the same time represents the idea of self-sacrifice. Finally, the butterfly acts as a symbol of the rebirth of the soul. In the image of a butterfly, Gnostic ideas of salvation and overcoming bodily death are realized. Here, the soul of the butterfly is perceived as a metaphysical substance that has passed from the plane of time into eternity and is preparing for "the fifth birth" – the Last Judgment. The article concludes that in the poetic world, the image of the butterfly accumulates the most important aspects of Russian Orthodox spirituality and religious worldviews.

Key words: Christianity, religious symbolism, Apocalypse, Passion of Christ, Gospel, path of the soul, God-man, mystery, sacred symbol, mythopoetics, religious and philosophical understanding, symbol, canon

Введение

«Бабочка прекрасна – легка, воздушна, самоцветна, но она и телесна. В теле, во плоти, будет и последнее воскресение – это открыто нам Господом» [Шполян-ский, 2007]. В культуре разных народов бабочка имеет широкий спектр порой проти-воположных коннотаций: от хрупкого существа, символизирующего скоротечность земной жизни и несовершенство материи, до символа жизни вечной и хранителя мирового порядка и божественного знания.

В дохристианскую эпоху образ бабочки был широко распространён в раз-личных мифологических системах. Например, богиня Психея (душа) изображалась в образе существа с большими крыльями. В связи с этим в древнегреческой мифо-поэтике бабочка воплощала душу и разум. В скандинавской, в частности в кельт-ской мифологии, бабочка символизирует пламя вечной жизни. В азиатской культуре она является символом свободы и лёгкости, цикличности жизни, а также любви и легкомысленности [Тресиддер, 1999]. На Руси в дохристианскую эпоху считалось, что бабочки символизируют души умерших, кроме того, с этими насекомыми было связано много народных примет у восточных и южных славян.

С принятием христианства многими европейскими и скандинавскими стра-нами бабочка как сакральный образ отошла на второй план. Однако в восточных ре-лигиозно-философских системах образ этого насекомого является весьма значимым.

Так, «<в> буддийском понимании бабочка является смысловым символом, так как цикл её превращений ассоциируется с бесконечной цепью перерождений, круговоротом жизни и смерти» [Гольский, 2009, 39]. Кроме того, в буддизме бабоч-ки часто символизируют свободу и любовь, в том числе божественную, то есть пре-допределённую свыше, как в истории великой, но трагической любви Лян Шаньбо и Чжу Интай – китайских Ромео и Джульетты, где легенда о влюблённых бабочках от-ражает стремление к свободе и преодолению социально-экономических барьеров. В даосизме бабочка является воплощением переменчивости и текучести, а также сим-волом взаимопроникновения различных форм существования, «вечного круговоро-та яви и сна» [Гольский, 2009, 40], как в притче о Чжуан Чжоу, который видел во сне, что он – бабочка. В конфуцианстве бабочка является символом лёгкости, счастья и долголетия, сопрягаясь в этом отношении со значением образа цикады: «Сущность конфуцианской символики, наиболее массовой, почти фольклорной, заключается в зашифрованных посредством омонимов благопожеланиях. Так, бабочка воплощает долголетие (по звуковой ассоциации со словом “дэ” – “старец от 80 до 90 лет”) – яв-ляя символ спокойной старости. С другой стороны, бабочка “дэ” – синоним слова “фу” и, таким образом, омонимична слову “счастье”, в данном случае являя символ безмятежной радости» [Гольский, 2009, 39]

Исходя из того, что буддизм является одной из мировых религий, в которой, как следует из сказанного, образ бабочки имеет глубокое религиозно-философское значение, становится возможным задуматься над вопросом, каким символическим потенциалом обладает образ бабочки в христианстве. Наша работа призвана вос-

полнить существующую на сегодняшний день исследовательскую лакуну в осмыслении одного из наименее изученных христианских символов, функционирующих в поэтическом пространстве. Для этого мы обратились к русской поэзии XX в., где образ бабочки отражает различные христианские мотивы.

Постановка проблемы и степень её изученности

Несмотря на сакральное значение образа бабочки в культуре разных народов, её осмысление в научной среде представлено весьма скупо. Встречаются, тем не менее, отдельные очерки, трактующие образ бабочки сквозь призму христианской культуры [Шполянский, 2007; Ткаченко, 2011], однако они носят характер духовного осмысления жизни, смерти, человеческого пути и не ставят задачей анализ функционирования образа бабочки в искусстве и литературе. Вместе с тем, хоть бабочка не упоминается в Библии, в искусстве, отражающем христианские мотивы, нередко можно встретить образ этого насекомого. Например, Корнелис ван Клеве, фламандский художник эпохи Возрождения, на картине «Мадонна и ребёнок» изобразил Иисуса с яблоком в одной руке и с бабочкой – в другой. Здесь бабочка символизирует путь души от грехопадения, символом которого является яблоко, до возвращения души в лоно Господа, олицетворяет которое бабочка. Если же рассматривать образ бабочки в аспекте филологического анализа конкретных текстов, в работах, посвящённых творчеству отдельных писателей или образу бабочки в культуре в целом, встречаются некоторые религиозные трактовки символа [Проскурина, Ермоленко, 2005; Рогова, 2007; Титов, 2015; Колоскова, 2017; Чжан Юаньюань, 2018; Мартынова, Слипецкая, 2021; Шулындина, Фан Лю, 2024; 舞翩翩, 2007], однако специальных работ, посвящённых образу бабочки как религиозному символу в христианстве к настоящему времени не существует. В связи с отсутствием концептуально-комплексного анализа проблемы мы на литературном материале продемонстрируем, что образ бабочки в русской поэзии XX века заключает в себе христианскую символику и основные религиозные постулаты, а также духовные и бытийные аспекты человеческой и божественной природы.

Методы и методология

Для религиозно-философского осмысления образа бабочки в контексте христианской концепции на материале поэзии XX в. нами были использованы следующие методы: мифопоэтический, герменевтический, семиотический, сравнительно-исторический и сравнительно-типологический, а также интертекстуальный и мотивный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Бабочка как аллегория утраченного Рая

«Бабочки – это остатки рая земного; не все заросло волчцами и терниями; это ностальгия о потерянном рае и призыв к его обретению...» [Шполянский, 2007]. Согласно Писанию, Бог создал Эдем (райский сад) на Востоке и отдал его во владение Адаму, чтобы тот преумножал блага его, взращивал деревья и жил в гармонии и изобилии: «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:9). В русской христианской культуре и, как следствие, поэзии бабочка часто выступает аллегорией красоты и лёгкости бытия, что обусловлено её причудливым окрасом и скоротечностью земной жизни. В связи с этим в лирических текстах бабочки нередко становятся обитателями райского сада и воспринимаются как одни из прекраснейших божьих созданий, обладающих не только внешним величием, но и мудростью Создателя.

Так, в стихотворении «Любовь твоя не только искушенье» [Корин, 1985, 117]. Г. Корин обращается к сюжету о грехопадении. Здесь и любовь, и бабочка рассматриваются в двух аспектах: как взаимное влечение мужчины и женщины и как божественное начало мира. Страстная любовь увлекает и затуманивает разум, но длится недолго и расплата за неё слишком высока: «В ней каждое летящее мгновение – / Внезапное над миром торжество».

Здесь мы видим имплицитный образ бабочки, отражающий легкомыслие женской природы. Но торжество подобной любви обманчиво, поскольку страсть, влечение так же скоротечны, как жизнь насекомого, столь уязвимо, как неокрепшая

человеческая воля. Поэтому страсть – это в большей степени искушение, нежели глубокое чувство. Иное дело – любовь божественная, заключающаяся во всем сотворённом. Лишённая рая, Ева вынуждена жить с осознанием своей греховной природы, распространяющейся не только на неё, но и на весь род человеческий. Однако божественная любовь безгранична и безусловна, поэтому все создания вне райского сада за жизнь земную проходят путь очищения и познания добра и зла: «Здесь тайна ангельская с бабочкою майской / И сами учатся, и учат нас, любя».

В заключительных стихах бабочка являет собой воплощение божественной любви и напоминает о том, что возвращение в райский сад ждёт каждого, кто старается постичь добро и раскаивается в собственных прегрешениях. Ангелы и бабочки прежде человека познали Бога, поэтому они передают опыт божественной любви и учатся сами понимать людей и принимать их несовершенную природу: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (Ин. 4:8).

Бабочки как символ утраченного Рая встречаются и в стихотворении М. Кузмина «Адам» [Кузмин, 1996, 454], где автор также обращается к библейскому сюжету о грехопадении. Обитель лирического субъекта, пустая и бедная, является следствием поступков Адама и Евы. Напротив, за стеклом, в отблесках осеннего дождя, герою видится райский сад, где «...бабочки и осы / Танцуют хоровод». Образ этих насекомых противопоставлен образу червя (Змея), склонившего Еву к преступлению божественного наказания. Особую роль в лирическом повествовании играет стекло: «И, радужно на свете / Дробясь, горит окно», «Вдали хрустально реет / Протяжный, тонкий стон», «Стеклом хрусталят стоны, / Как стон, хрустит стекло...». Стекло в данном контексте символизирует прозрачность человеческих поступков, искренность покаяния, красоту мира, дверь в инобытие. Подобное семантическое наполнение образа встречается и в Писании: в Книге Откровения при описании апостолом Иоанном Нового Иерусалима, в Ветхом Завете при описании Божьего трона, где стекло символизирует прозрачность человеческих помыслов и поступков, с которыми выйдет человек на Страшный суд. Так, лирический субъект сквозь окно видит прошлое, утраченное счастье и двух людей, по вине которых род человеческий вынужден пребывать в пыльной клетке среди книг и стеллажей. Несмотря на иронический модус лирического высказывания, идея его заключается в преодолении первородного греха и воспитании в себе сил духовных, не позволяющих поддаваться искушениям. Нарекая Адама и Еву «маленькими душками», лирический субъект Кузмина говорит о преодолении порочности: «А мы, а мы, а мы?! / Летучие игрушки / Непробуждённой тьмы».

Здесь мы также встречаем имплицитный образ бабочки, являющейся аллегорией души, возвысившейся над земным миром и страстями. Только те души обретут свободу, которые озарили тьму светом божественной любви, веры и, в особенности, раскаяния, поскольку жить без греха вряд ли представляется возможным, о чём говорится в Евангелии (Ин. 8:7).

Рай, населённый бабочками, встречается не только в связи с библейскими сюжетами, но и выступает в качестве аллегории мира на земле. Так, стихотворение Д. Кедрина «Осень 41 года» [Кедрин, 1989, 94]. описывает довоенную жизнь, полную красоты, гармонии и благоухания:

Ещё и солнце греет что есть силы,
И бабочки трепещут на лету,
И женщины взволнованно красивы,
Как розы, постоявшие в спирту.

Бабочка сопоставляется с женской природой – красивой, но вместе с тем уязвимой, женщины раньше теряют своё очарование, они слабее физически, тоньше чувствуют мир, более эмоциональны и склонны к переживаниям не только за себя, но за людей в целом. По сути, довоенное время – это жизнь в райском саду до грехопадения. Все последующие события – божественная кара: вступая в войну, движимый тщеславием, человек преступает Божественный Закон, и в данном случае образ бабочки служит напоминанием о хрупкости мира и ценности жизни в гармонии.

«Сжимая бабочку в кулак войны», человечество обрекает себя на страдания и приближает день, когда «<р>азъярится бо небо, и земля потрясётся от оснований своих, за ярость гнева Господа Саваофа в день, в онъ же приидет ярость Его» (Ис. 13:13).

Бабочка как воплощение разящего слова

«Он был облечён в одежду, обгащённую кровью. Имя Ему: «Слово Божие». <...> Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасёт их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя <...> а прочие убиты мечом Сидящего на коне, исходящим из уст Его» (Апок. 19:13, 15, 21). Разящий меч – Слово Божие, разрушающее и созидующее – является орудием праведного и справедливого суда. Карая лжепророка, Господь обращает его в прах своей речью. Поэтическое слово также может быть орудием мщения, встречаясь в литературе не только в образе мечеподобного оружия, но и в образе бабочки.

Так, в стихотворении В. Шаламова «Чёрная бабочка» [Шаламов, 2020, 318] лирический герой погружён в воспоминания о муках, которые он претерпел за долгие годы заключения на Колыме. Концепция мести в художественном пространстве В. Шаламова реализуется в двух ипостасях – память и поэзия. Первая позволяет сохранить события минувшего, вторая – реализует идею мщения через слово, через обличение исторических преступлений и воззвание к потомкам не повторить кровопролития. В стихотворении упавшая в чернила бабочка символизирует воплощённое в искусстве страдание:

И столько было чёрной злости
В её шумливой стрекотне,
Как будто ей сломали кости
У той чернильницы на дне.

Мотив телесной деструкции отражает метаморфозу, происходящую с человеком в условиях лагеря. «Воздушный, светлый жданный гость» – бабочка – теряет свой первозданный облик, причудливый узор крыльев покрывается чернотой, а лёгкость бытия сменяется непосильным для такого хрупкого существа страданием. Но, принося себя в жертву поэтического искусства, описывая человеческий опыт познания добра и зла, жизни и смерти, она одновременно и облегчает сердце героя, и художественным словом мстит за себя и за людей, погребённых в камне. Но сколь бы велико ни было преступление, правом судить наделён только Бог, «который праведно судит и воинствует» (Апок. 19:11), и потому бабочка, свершая возмездие, пусть и справедливое, уподобляет себя Творцу и за это теперь «не смеет рваться к свету и с ним доказывать родство». Герой В. Шаламова осознаёт её обречённость, но человеческая натура, жаждущая расправы над врагом, берёт верх и воплощается в поэтическом слове, призванном уберечь людей от повторения ошибок прошлого.

Бабочка как аллегория Страстей Христовых

«Предсмертные страдания Свои Он уподоблял той чаше, наполненной ядом, какую в те времена иногда подносили осужденным на смерть; крестную смерть Свою Он называл крещением. Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?» (Мк. 10:38). Путь Христа – это путь очищение мира через страдание, и в ряде стихотворений бабочка является символом Страстей Христовых.

Так, стихотворение Али Кудряшевой «Там, где ветер вычищен, свеж, черняв...» [Кудряшева, 2025] являет собой воззвание заблудшей души ко Всевышнему:

Там, где ветер вычищен, свеж, черняв,
Там, где жёлтое солнце хрустит поджаристо,
Господи, верни мне хоть немножко меня.
Пожалуйста...

Погружаясь в воспоминания детства, героиня обращается к образу бабочки, запутавшейся в паутине: «В широкой паутине забила бабочка и трепетом обвиняет меня во лжи, а мне двенадцать. Уличными кошмарами пугает телевизор под

Рождество». Подобно тому, как бабочка с надеждой и отчаянием смотрит на человека, человек отчаявшийся молитвами взывает к Богу, и, как обречённое на смерть насекомое, часто не получает ни помощи, ни ответа. Здесь мы видим некое анти-святочное повествование, где рождественское чудо оборачивается страхом перед внешним миром, внушаемым телевидением. Кроме того, вся жизнь героини – это борьба запутавшейся бабочки, полная отчаяния и обречённости: тяжёлая болезнь, перенесённая в раннем детстве, смерть бабушки, трудности подростковой и студенческой жизни, неудачи в любви. Под паутиной следует понимать череду жизненных трудностей и психологические особенности героини, а под бабочкой – её саму. И в немощи своей она ввергается в уныние и теряет веру, не придавая значения тому, что небеса наблюдают за ней: «На небе снова звёзды – глазают пристально на глупую беспомощную меня». Здесь мы понимаем, что присутствие Творца в её жизни очевидно, тем не менее, деформированное повседневной суетностью сознание отказывается принимать мир, соглашаясь с его божественной природой. Бабочка смотрит на маленькую героиню с укором, а не с надеждой. Героиня чувствует себя обманутой Богом и сомневается в его существовании. Путь героини – это своего рода путь Страстей Христовых, а бабочка, запутавшаяся в паутине – это метафора Иисуса, распятого на кресте. Таким образом, в стихотворении мы имеем дело с триадой «бабочка – героиня – бог», где первая и последняя точка – разные грани личности героини, которая тяготеет к страданию, ненадолго вырываясь из паутины быта за счёт любви. Однако, утрачивая веру в Господа, она теряет и себя: «Проходит ночь, <...> ищущая себя, ищущая под столом и тщательно, бессмысленно — меня уже нет нигде». Таким образом, утрачивая Бога в себе, человек лишается духовной жизни и благодати, и тогда дьявол искушает его сомнениями:

Господи, неужто вот этот, в рясе,
несёт тебя на острие копья.
Боюсь за тебя, а вдруг и ты потерялся,
как я.

Здесь мы видим не только сомнение в Боге как в категории гностической, но и в отрицании Церкви как метафоры Тела Христова, порождающее пренебрежение к священнослужителям, которые «имеют общую связь со всеми Его последователями» (1Кор. 12:25). И подобно тому, как бабочка не способна вырваться из паутины, а Христу не избежать распятия, героине также не удастся вырваться из рутины: структура текста циклична, что порождает идею отчаяния и обречённости. Однако воскреснет ли душа её и обретёт ли благодать после последнего причастия зависит от того, будет ли она смотреть из паутины собственных заблуждений, страхов и тщеты с упрёком или с надеждой и принятием.

Человеческие страдания – следствие первородного греха и утраты благодатного Рая. Протоиерей Валериан Кречетов в интервью для портала «Православие. RU», отвечая на вопрос о сущности скорби, сказал, что «есть злоба дьявольская на любовь человеческую, а страдания и происходят от того, что идёт война против любви» [Кречетов, 2025]. Поэтому в христианстве образ бабочки символизирует также божественную любовь, предвещающую страдания человеческие, субъективно сопоставимые немощным сознанием со Страстями Христовыми. В стихотворении И. Эренбурга «О той надежде, что зову я вещей» [Эренбург, 1977, 146] лирический герой, погружаясь в воспоминания об Испании, воссоздаёт образ рожающей в окружении бабочек женщины. Родовые муки – это лишь первичный стресс и для матери, и для младенца, которые обречены на страдания и тоску по утраченному раю и прямой связи с Творцом. Собственно, всё лирическое повествование представляет собой скорбь по «вспугнутой, заплаканной весне», вмещающей в себя все страдания и трагические события молодой Земли, представленной в образе ребёнка, сжимающего комочек глины от обиды, злости и бессилия. Рождая ребёнка, женщина априори обрекает его на земные мытарства. Однако страдание – это путь к очищению и главное условие, при котором человек вернётся в лоно Господа. Бабочки здесь – посланники из Рая, которые знаменуют грядущее страдание и вместе с тем

напоминают, ради чего оно претерпевается, свеча – символ скорби Господа по душам земным и само воплощение господа в человеке. И бабочки, и пламя помогают человеку не утратить надежду, не впасть в отчаяния от страшных картин, что показывает им жизнь, и тем самым обрести спасение.

Бабочка как символ возрождения души

Духовная жизнь человека сопоставима с жизнью бабочки: на пути к вечности, подобно насекомому, каждый из нас проходит пять стадий развития или «пять жизней». Первая жизнь – зачатие в теле матери, вторая – рождение на свет, третья – крещение (фаза гусеницы), четвёртая – смерть (фаза куколки), пятая – Страшный суд (фаза бабочки) [Шполянский, 2007]. Бабочка – это конечная стадия цикла насекомого, она не подлежит суду, поскольку, в отличие от человека, не отмечена печатью первородного греха. Всякий же, созданный от Адама и Евы, прежде, чем достичь пятого рождения, должен позаботиться о том, чтобы его душа, представ перед Творцом, земными делами своими могла доказать, что достойна вечности в Царстве Его. В христианской культуре часто бабочка символизирует возрождение души – четвёртую жизнь. Поскольку человек немощен и плотью, и духом, он испытывает страх смерти, но Церковь утверждает, что таинство смерти одно из самых значимых и дарует душе освобождение и благодать, переводя систему координат человеческого существования из плоскости времени в вечность – в Царство Божие, поэтому души новопреставленных часто изображаются в виде бабочек.

Так, в стихотворении Григория Корина «Путь земной зашёл далече» [Корин, 1985, 96] лирический герой представляет земную жизнь как тяжкие оковы, а человека на пути к смерти изображает в образе бабочки, рвущейся на свет. Композиционно текст делится на две части, представляющие собой земной и небесный мир. Первый представляет собой мглу безысходности, суетность, непрерывное движение. В то же время второй мир являет собой свет, неподвижность и бессловесность – то есть вечный покой. Пребывая на земле, человек вместе с тем сохраняет в себе божественное начало и генетическую память о Рае: «Наши взоры, наши речи – / Горний трепет, горний зов».

Но, поскольку первородный грех был совершён, Дьявол сбивает человека с истинного пути, и человек как будто бы оказывается в паутине, подобно бабочке. В стихотворении на это указывает образ нитей, опутывающих душу. Однако, умирая, для суетного мира человек становится безразличным, соответственно, свободным от искушений, суеты и пороков: «Вот и взгляд наш безответный, / Вот и вздох наш роковой».

Здесь эпитеты как будто бы имеют отрицательную коннотацию, но в действительности представляют смерть с позиции обывательской, светской. Исходя же из образа бабочки и разорванных оков, посмертное выражение лица – следствие покинутой души. Но как бабочка всегда находит дорогу к свету, так душа находит путь к Богу.

Бабочка как символ освобождённой души встречается и в стихотворении Льва Эллиса «Последний полёт» [Эллис, 2000, 57], где, в отличие от предыдущего примера, сама смерть рассматривается как категория не только духовная, но и эстетическая:

Она умерла оттого, что закат был безумно красив,
что мёртвый пожар опрокинул в себе неподвижный залив,
и был так причудливо-странен вечерних огней перелив.

Мы видим, что земной мир представлен здесь как живописное место, в котором если и умирают, то от избытка впечатлений. Важную роль в тексте играет образ воды и пламени – они представляют собой два противоположных начала: жизнь, полную страсти и впечатлений, и покой, уносящий все тревоги. Амбивалентность проявляется и в иных образах – героиня, свершающая последний полёт, представляется и чайкой, символизирующей плоть, и бабочкой, олицетворяющей эфемерное начало. Душа героини обладает высокой степенью мудрости, поскольку не испытывает страх ни во время кончины («закат был красив, и безбольно она, всё простив,

умерла...»), ни в «полёте» («тихо ему улыбнувшись, сгорела в воздушном огне»). Душа уверена, что обретёт вечный приют у Бога, потому что за годы, прожитые в человеческом теле, она стремилась сохранить нравственную чистоту. На это указывает образ стекла, возникающий в финале стихотворения: «Не плачь! Пусть слеза не встретит зеркальную / цельность стекла!..»

Разумеется, скорбь по ушедшим, воплощённая в слезах, – процесс естественный. Иоанн Златоуст утверждал, что такие слезы – проявление искренней любви. Здесь этот призыв является ещё одним напоминанием, что душа отправилась в лучших из миров, где красота земная нетленна и преумножена многократно. Таким образом, «в явлении телесной смерти мы, в сущности, видим не наказание человеческого рода, но лишь благодетание!» [Василиадис, 2025].

Заключение

Обобщая сказанное, отметим, что образ бабочки получил широкое распространение в мифологической и религиозной картине мира разных народов. В христианской культуре, не будучи упомянутой в Священном Писании, бабочка, тем не менее, наделена широким спектром коннотаций, связанных с библейскими мотивами и образами.

Так, выступая символом утраченного Рая, она тесно сопряжена с сюжетом о грехопадении и олицетворяет беззаботность и лёгкость жизни в Царствии Божием, является воплощением безусловной божественной любви и милости, вмещающей в себе красоту, покаяние, прощение.

Будучи по природе слабой и уязвимой, бабочка часто становится воплощением Страстей Христовых и соотносится с идеей страдания, боли и искупления и сюжетами о Страшном суде, искушениях Христа и его казни на кресте. В таких текстах бабочка может символизировать как человека, претерпевающего страдания в процессе жизни (в т. ч. Самого Христа), так и знаменовать его последующие муки.

Претерпевая трансформацию от зародыша в брюшке матери до прекрасного насекомого, обладающего даром полёта, бабочка часто становится символом человеческой души, также проходящей различные стадии становления от зачатия до Страшного суда. Здесь образ насекомого соотносится с идеей освобождения от тела, т.е. на первый план выходит преодоление физической смерти, которая, согласно христианству, является четвёртым рождением.

Наконец, в христианстве бабочка может символизировать разящее Слово и служить воплощением праведной мести. Здесь образ насекомого сопряжён с мотивами Страшного суда и сюжетами из Апокалипсиса. Тем не менее, не будучи Богом, но уподобляясь ему, бабочка обрекает себя на вечную тьму, реализуя тем самым идею осознанного самопожертвования.

Таким образом, мы видим, что бабочка является значимым символом в христианстве. Как бы то ни было, эти волшебные и лёгкие создания позволяют нам возвыситься над повседневностью и задуматься над вечными вопросами бытия, ибо «в каждом листочке мха, в каждой травке, бабочке и жучке мы, при ближайшем рассмотрении, находим красоту, которая обыкновенно ускользает от человека, равнодушно проходящего мимо творений» [Геккель, 2019, 24], созданных Богом.

Благодарность

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР.

Acknowledgement

The article was written within the framework of the activities of the Center for the Study of Russian Speaking Countries of the Southwestern University at the Institution of Education of the China.

Библиографический список

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1990. – 1372 с.
2. Василиадис, Н. Тайнство смерти [Электронный ресурс] / Н. Василиадис // Азбука веры: офиц. сайт. – URL: <https://azbyka.ru/smert/tajinstvo-smerti> (дата обращения: 04.03.2025).
3. Геккель, Э. Красота форм в природе / Э. Геккель. – М.: Воскресный день: Белый город, 2019. – 104 с.
4. Гольский, И.А. Образ бабочки как квинтэссенция символической реальности / И.А. Гольский // Сборник научных трудов Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. – Омск: ООО «Издательский дом “Наука”»; Изд-во ОмГПУ, 2009. – С. 39–44.
5. Кедрин, Д.Б. И минуло время / Д.Б. Кедрин; предисл. Н. Банникова. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 192 с.
6. Колосова, С.Н. Метафора жизни в стихотворении А.А. Фета «Бабочка» / С.Н. Колосова // Humanityspace International almanac. – 2017. – № 4. – С. 723–727.
7. Корин, Г.А. Стихотворения и поэмы / Г.А. Корин. – М.: Художественная литература, 1985. – 320 с.
8. Кудряшева, А. Там, где ветер вычищен, свеж, черняв... [Электронный ресурс] / А. Кудряшева // РуСтих: офиц. сайт. – URL: <https://rustih.ru/alya-kudryasheva-tam-gde-veter-vychishhen-svezh-chernyav/> (дата обращения: 04.03.2025).
9. Кузмин, М.А. Стихотворения / М.А. Кузмин; вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н.А. Богомолова. – СПб.: Академический проект, 1996. – 832 с.
10. Мартынова, Н.В. Исследование орнаментальных символов образа бабочки в традиционной культуре народов мира / Н.В. Мартынова, Д.Р. Слипецкая // The scientific heritage. – 2021. – № 58. – С. 9–14.
11. Проскурина, Е.Н. Поэтика смерти – воскресения в рассказе В. Набокова «Рождество» / Е.Н. Проскурина, С.И. Ермоленко // Филологический класс. – 2005. – № 1. – С. 66–70.
12. Протоиерей Валериан Кречетов. Страдание – это лестница духовного восхождения [Электронный ресурс] // Православие.Ru: офиц. сайт. – URL: <https://pravoslavie.ru/92286.html> (дата обращения: 04.03.2025).
13. Протоиерей Михаил Шполянский. Смысл жизни: путь бабочки [Электронный ресурс] // Азбука веры: офиц. сайт. – URL: <https://azbyka.ru/smysl-zhizni-put-babochki> (дата обращения 04.03.2025).
14. Рогова, Е.Н. Образ бабочки и элегический код в литературном произведении / Е.Н. Рогова // Новый филологический вестник. – 2007. – № 2. – С. 229–238.
15. Соловьев, В.С. Смысл любви / В.С. Соловьев. – М.: АСТ, 2023. – 512 с.
16. Титов, О.А. Образная сфера рассказа В. Набокова «Рождество»: языковые средства углубления семантики / О.А. Титов // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 3. – С. 27–31.
17. Ткаченко, А.Т. Бабочка в ладони: зачем современному человеку христианство? / А.Т. Ткаченко. – М.: Никея; Фома, 2011. – 176 с.
18. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер. – М.: Фаир-Пресс, 1999. – 488 с.
19. Цетлин, М. (Амари). Цельное чувство / М. Цетлин. – М.: Водолей, 2011. – 400 с.
20. Чжан Юаньюань. Образ Бабочки в поэтических произведениях В. Набокова / Чжан Юаньюань // Филология в XXI веке. – 2018. – № 2. – С. 179–184.
21. Шаламов, В.Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 1 / В.Т. Шаламов. – СПб.: Вита Нова, 2020. – 591 с.
22. Шулындина, А.Б. Особенности современной интерпретации древней китайской легенды в мюзикле Сань Бао «Бабочки»: идеи, символы, герои / А.Б. Шулындина, Лю Фан // Музыкальный журнал Европейского Севера. – 2024. – № 3. – С. 88–112.
23. Эллис (Кобылинский, Л.Л.). Стихотворения / Л.Л. Эллис. – Томск: Водолей, 2000. – 288 с.
24. Эренбург, И.Г. Стихотворения / И.Г. Эренбург. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1977. – 480 с.
25. Цзинь Чжаоцзюнь. Танец «Бабочка» / Цзинь Чжаоцзюнь // Китайская культура. Живописный журнал = 中华文化画报. – 2007. – № 10. – С. 96–101 (金兆钧. 舞翩翩 «蝶» ——著名乐评人金兆钧说 «蝶» / 金兆钧 // 中华文化画报. 2007. 第10期. 第96–101页).

Текст поступил в редакцию 25.03.2025.

Принят к печати 24.04.2025.

Опубликован 30.09.2025.

References

1. *Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta*. [The Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 1990, 1372 p. (In Russian).
2. Cetlin M. (Amari). *Cel'noe chuvstvo* [Whole feeling]. Moscow: Vodolay Publ, 2011, 400 p. (In Russian).
3. Dancing “Butterfly” – Famous Music Critic Jin Zhaojun Speaks of “Butterfly”. *Chinese Culture Pictorial*. 2007, no. 10, pp. 96–101 (in Chinese).
4. Ellis (Kobylynskiy L.L.). *Stihotvoreniya* [Poems]. Tomsk: Vodoley Publ, 2000, 288 p. (In Russian).
5. Erenburg I.G. *Stihotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Soviet writer, Leningrad branch Publ, 1977, 480 p. (In Russian).
6. Gol'skiy I.A. *Sbornik nauchnykh trudov Omskogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. M.A. Vrubelya* [Collection of scientific works of the Omsk Museum of Fine Arts named after M.A. Vrubel]. Omsk: Nauka Publ, OmskGPU Publ, 2009, pp. 39–44 (in Russian).
7. Haeckel E. *Kunstformen der Natur*, 1904 (Russ. ed.: Haeckel E. *Krasota form v prirode*. Moscow: Sunday Publ, White City Publ, 2019, 104 p.).
8. Kedrin D. *I minulo vremya* [And time passed]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ, 1989, 192 p. (in Russian).
9. Kolosova S.N. *Humanityspace International almanac*. 2017, no. 4, pp. 723–727 (in Russian).
10. Korin G.A. *Stihotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. Moscow: Fiction Publ, 1985, 320 p. (in Russian).
11. Kudryasheva A. RuStih [RuPoem]. Available at: <https://rustih.ru/alya-kudryasheva-tam-gde-veter-vychishhen-svezh-chnyav/> (accessed on April 03, 2025) (in Russian).
12. Kuzmin M.A. *Stihotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Academic project Publ, 1996, 832 p. (in Russian).
13. Martynova N.V., Slipeckaya D.R. Issledovanie ornamental'nykh simvolov obraza babochki v tradicionnoy kul'ture narodov mira [Slipetskaya D.R. Study of ornamental symbols of the butterfly image in the traditional culture of the peoples of the world]. *The Scientific Heritage*. 2021, no. 58, pp. 9–14 (in Russian).
14. Proskurina E.N., Ermolenko S. *Filologicheskij klass* [Philological class]. 2005, no. 1, pp. 66–70 (in Russian).
15. Protoierej Mihail Shpolyanskij. *Azbuka very* [ABC of Faith]. Available at: <https://azbyka.ru/smysl-zhizni-put-babochki> (accessed on April 03, 2025) (in Russian).
16. Protoierej Valerian Krechetov. Pravoslavie.RU [Orthodox.RU]. Available at: <https://pravoslavie.ru/92286.html> (accessed on April 03, 2025) (in Russian).
17. Rogova E.N. *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin]. 2007, no. 2, pp. 229–238 (in Russian).
18. Shalamov V.T. *Stihotvoreniya i poemy v 2-h t. T. 1* [Poems and poems in 2 volumes. Vol. 1]. St. Petersburg: Vita Nova Publ, 2020, 591 p. (In Russian).
19. Shulyndina A.B., Fang Liu. *Muzykal'nyj zhurnal Evropejskogo Severa* [Musical journal of the European North]. 2024, no. 3, pp. 88–112 (in Russian).
20. Solovyov V.S. *Smysl lyubvi* [The Meaning of Love]. Moscow: AST Publ, 2023, 512 p. (In Russian).
21. Titov O.A. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin]. 2015, no. 3, pp. 27–31 (in Russian).
22. Tkachenko A.T. *Babochka v ladoni: Zachem sovremennomu cheloveku hristianstvo?* [Butterfly in the Palm: Why Does a Modern Man Need Christianity?]. Moscow: Nicaea Publ, Foma Publ, 2011, 176 p. (In Russian).
23. Tresidder D. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow: Fair-Press Publ, 1999, 488 p. (In Russian).
24. Vasiliadis N. *Azbuka very* [ABC of Faith]. Available at: <https://www.google.com/search?q=%D0%9D.+%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%81> (accessed on April 03, 2025) (in Russian).
25. Zhang Yuanyuan. *Filologiya v XXI veke* [Philology in the 21st Century]. 2018, no. 2, pp. 179–184 (in Russian).

Submitted for publication: March 24, 2025.

Accepted for publication: April 24, 2025.

Published: September 30, 2025.